ДЕМЬЯНЕНКО**Александр
Николаевич**

Доктор географических
наук, профессор, главный
научный сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

DEMYANENKO**Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

© Демьяненко А.Н., 2018

УДК 332

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И
СССР**

В статье рассмотрены процессы коэволюции пространственной организации экономики и институтов регионального развития Дальнего Востока России между русско-японской войной и советизацией макрорегиона.

Российский Дальний Восток, институты регионального развития, пространственная организация экономики

**RUSSIAN FAR EAST: BETWEEN THE EMPIRE
AND THE USSR**

The processes of co-evolution of the spatial organization of the economy and the institutes for regional development of the Russian Far East between the Russo-Japanese war and the Sovietization of the macroregion are discussed in the article.

Russian Far East, regional development institutions, spatial organization of the economy

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ДВО РАН № 18-5-045 «Безопасность и устойчивое развитие Дальнего Востока: трансформация системы пространственного распределения экономических ресурсов в условиях социально-демографических вызовов».

Введение

Завершая статью «Дальний Восток: становление экономического макрорегиона», автор констатировал: «в период между русско-японской войной и советизацией Дальний Восток становится макрорегионом не только в административном, но и в экономическом отношении» [8, с. 16]. Более того, я полагаю, что в это же время (если опираться на суждения очевидцев событий тех лет) происходит и оформление той части российского социума, которая идентифицировала себя как «дальневосточники»¹.

При этом я посчитал возможным, несмотря на все многочисленные и разнообразные политические катаклизмы и войны, рассматривать годы между русско-японской войной и советизацией как своего рода завершение досоветского периода в коэволюции пространственной организации экономики Дальневосточного макрорегиона и институтов его развития.

Естественен в этой связи вопрос: почему? Ответ на это простой вопрос вовсе не прост, но попробуем на него ответить. И для начала попробуем сформулировать вот такую гипотезу: если стратегия регионального развития опирается на долгосрочные и устойчивые конкурентные преимущества, то изменения во внешней среде, даже если они сопровождаются частой сменой политических режимов, не в состоянии сломать траектории развития, заложенные в стратегии.

О конкурентных преимуществах, региональных стратегиях и институтах регионального развития

Теперь коротко о том, что представляли собой те самые долгосрочные и устойчивые конкурентные преимущества, о которых шла речь выше. Для начала зафиксируем: источники конкурентных преимуществ, как и сами преимущества, даже самые устойчивые, с течением времени не остаются неизменными, и этому есть простое объяснение. Дело в том, что рынки любого уровня находятся в процессе постоянных изменений. Хотя следует иметь в виду, что изменения бывают разными. В данной работе нас интересуют лишь те изменения, которые определяют основную структуру отрасли и определяют характер конкуренции, но не то множество факторов, которые могут повлиять в краткосрочном плане на рыночную конъюнктуру. То есть здесь мы идём вслед за Ф. Броделем, который выделял не только время конъюнктуры и время длительной протяжённости, но ещё и время структур². Так вот, источники конкурентных преимуществ Дальнего Востока были очевидны – это природно-ресурсный потенциал и экономико-географическое положение.

И здесь следует более детально рассмотреть, что представляли собой упомянутые выше источники конкурентных преимуществ. Но прежде зафиксируем ещё одно положение общего характера, сформулированное в своё время М. Портером: «Трудно представить себе логику, согласно которой природа арены, на которой соперничают фирмы, не оказывала бы влияния на итоги их хозяйственной деятельности» [16, с. 15].

Конечно, говоря о «природе», М. Портер имел в виду то, что сейчас обычно обозначают как «вторая природа», но рискнём предположить, что такое понимание «природы» имеет отношение к вполне зрелым экономикам постиндустриального типа. Если же мы вернёмся к

¹ В отчёте общеземской организации [17] содержится упоминание о том, что жители Приамурского края воспринимали себя не сибиряками, а дальневосточниками.

² Впрочем, и в среде современных экономистов есть сторонники разделения факторов, определяющих характер конкуренции на отраслевых рынках. Так, у М. Портера мы находим: «Основную структуру отрасли, определяющую конкурентные силы, следует отделять от множества краткосрочных факторов, которые способны временно повлиять на конкуренцию и прибыльность [16, с. 41].»

рассматриваемому нами этапу в развитии Дальневосточного макрорегиона, то придётся учитывать не только «вторую природу», но и «первую» природу, в противном случае будет трудно понять характер и направление развития этого макрорегиона в начале XX в.

О чём ещё следует упомянуть? Полагаю, что следует напомнить ещё и о том, что конкурируют на отраслевом рынке фирмы¹; страны, регионы и местоположения конкурируют на рынке мест. Это во-первых. А во-вторых, успех, и опять-таки не только в международной конкуренции, «определяют не только сами факторы, сколько то, где и насколько продуктивно они применяются» [16, с. 33].

И тут мы подходим к проблеме институтов, так как обеспечить продуктивное использование факторов (в данном случае – регионального развития) призваны именно институты, то есть правила игры. Можно с большой долей уверенности утверждать, что какой-либо универсальной стратегии (независимо от того, формируется она в плановом порядке или является спонтанной) развития экономики региона не существует. Иначе говоря, эффективная стратегия, в том числе и регионального развития, всегда представляет собой уникальный продукт, а не продукт массового производства. Результат массового производства стратегий печален. Как свидетельствует Р. Румельт, такое происходит не только в РФ: «...идею полностью профанировали. И самое прискорбное, что «стратегия» стала настоящим словом паразитом; многие бизнесмены, преподаватели и чиновники употребляют его сегодня и к месту и не к месту» [18, с. 17].

Однако, как бы ни были злободневны проблемы теории и практики стратегического управления, их детальное рассмотрение, даже если ограничиться исключительно современным региональным стратегическим управлением, увели бы нас далеко за рамки заявленной темы². Но всё-таки одно отступление следует сделать, вновь возвратившись к Р. Румельту: «Слово, которое может обозначить всё, что угодно, в конце концов утрачивает всё значение. В первую очередь, чтобы концепция имела смысл, нужно договориться о её дефинициях, то есть провести чёткую границу между тем, что она обозначает, а что нет» [18, с. 18].

Итак, в данной работе, говоря о стратегии регионального развития, мы имеем в виду следующее:

- 1) стратегия начинается с постановки диагноза, то есть в ходе стратегического анализа выявляется природа проблемы, её локализация;
- 2) для решения проблемы разрабатывается курс действий (или политика);
- 3) в рамках выбранного курса действий осуществляются скоординированные действия экономических агентов и институтов.

Политический контекст проблемы

Теперь, когда мы «определились со словами», перейдём к рассмотрению того, каким образом происходила коэволюция пространственной организации экономики макрорегиона и институтов развития в период между русско-японской войной и советизацией Дальнего Востока.

Итак, по порядку. Начнём с рассмотрения политического контекста, который в явном виде имел два взаимосвязанных аспекта: внутривнутриполитический и внешнеполитический.

¹ У М. Портера этот тезис сформулирован следующим образом: «На международном рынке конкурируют фирмы, а не страны» [16, с. 51].

² Тем более что авторская позиция по данному вопросу изложена в ряде предыдущих работ, в том числе опубликованных в «Регионалистике» [23; 24].

При этом роль и проявление воздействия политических факторов на процессы коэволюции пространственной организации экономики и институтов регионального развития были неодинаковы на протяжении рассматриваемого периода.

В самом общем виде здесь целесообразно выделение трёх периодов: 1) от русско-японской до Первой мировой войны, то есть период мирного развития макрорегиона в составе Российской Империи; 2) годы Первой мировой войны (по февраль 1917 г.) – военный период в развитии макрорегиона (опять-таки в составе Российской Империи); 3) с февраля 1917 г. по октябрь 1922 г., то есть период, скажем так, автономного развития Дальнего Востока.

В межвоенный период происходит смена геополитических ориентиров: поворот на Восток в том варианте, который виделся перед русско-японской войной, явно исчерпал себя, более того, Россия во всё большей мере оказывалась втянута в геополитические игры в Европе.

В правительственных кругах возобладало мнение, согласно которому российской присутствию на Тихом океане следует осуществлять, развивая экономику российского Дальнего Востока, а не Маньчжурии. Как следствие, меняется кардинально переселенческая политика, теперь она направлена не на сдерживание, а на поощрение переселения на Дальний Восток, причём не только крестьян, но и рабочих. Происходят кардинальные изменения и в государственной политике по отношению к отечественному бизнесу, в частности, меняется тарифная политика, открывающая продукции рыбной промышленности рынки не только Сибири, но и Европейской России.

В годы Первой мировой войны вряд ли приходится говорить о каких-либо новациях во внутренней политике российского государства в отношении экономики Дальнего Востока. Это было время, когда происходила (с поправкой на то, что шла война) реализация тех стратегических решений, которые были приняты в предшествующий период.

К этому следует добавить, что недавний противник – Япония, стал союзником, а Владивосток – крупнейшим портом, чем которых шёл поток военных грузов.

Но, пожалуй, самый интересный период – это годы между февралём 1917 г. и октябрём 1922 г. Несмотря на то, что тогда происходит смена политического режима в стране, и Российская Империя превращается в ходе революции в РСФСР, на Дальнем Востоке политический режим можно назвать каким угодно, но только не советским.

Конечно, Советы появились на Дальнем Востоке уже в марте 1917 г., но деятельность их ограничивалась по большей части областными центрами, и были они по преимуществу административными органами. Их влияние на экономическую жизнь было невелико.

О том, каков был характер взаимоотношения между советами и земствами, можно судить по следующим фрагментам из протоколов III Чрезвычайного Приморской области земского собрания: «*М.И. Гамов-Тайшин*: Тактика советов определена: если это нужно для трудящихся масс, то это должно быть во что бы то ни стало сделано. ... *Васьков*: Крестьяне хлебобороны выражают полное доверие земству, крестьяне же, черпающие средства к существованию на отхожих промыслах, стоят на создание советской власти» [22, с. 11, 18]. Показательно, что мнение Васькова совпадает с наблюдениями Г.К. Гинса, согласно которым «были ... среди сибирского крестьянства такие элементы, для которых большевизм оказался легко воспринимаемой заразой. Это – не устроившиеся или плохо устроившиеся переселенцы» [5, с. 27].

Не входя в детали, отметим лишь те действия правительств многочисленных квазигосударственных образований, включая и ДВР, которые имели непосредственное отношение к

заявленной теме. Прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что ни одно из правительств даже не пыталось отказаться от рыночной модели экономики. Да, были попытки местных советов взять под свой контроль и отдельные крупные промышленные предприятия, и банки, но не более того. В сельской же местности, а именно там проживала подавляющая часть населения, влияние большевиков было ничтожным¹. И по-другому быть не могло, так как земельный вопрос не стоял за Уралом сколько-нибудь остро.

Ещё одна особенность политической ситуации – активная роль земств в политической жизни, которая, в свою очередь, опиралась на высокий уровень самоорганизации населения, включая и местное самоуправление². Не случайно, что именно земство приняло на себя ответственность за управление Дальним Востоком после того, как прекратила существование колчаковская администрация. Именно Приморская областная земская управа в январе 1920 г. объявила себя Временным Правительством Дальнего Востока. И именно это Временное Правительство, взяв на себя организацию выборов, по результатам которых, в конечном счёте, и произошло оформление ДВР, опубликовало 6 и 30 мая 1920 г. Декларации, посвящённые тому, как земства видели будущее государственное строительство. Приведём несколько выдержек из упомянутых Деклараций. Например, «неуклонным ходом политических событий, демократия вынуждена поставить вопрос о самостоятельном политическом существовании областей Дальнего Востока». То есть всё-таки демократия, а не диктатура пролетариата. Ещё одна выдержка свидетельствует о том, что Временное Правительство (читай земство) в сложившихся обстоятельствах считало невозможным «производить коренную ломку ... основ существующего общественно-экономического строя»³. Иначе говоря, никакой национализации, никакой экспроприации, ни продотрядов и других атрибутов «военного коммунизма». А вместо него – свобода частной собственности и предпринимательства под «общим контролем государства». Это даже не НЭП, это очень напоминает то, что не удалось реализовать Временному Правительству в Петрограде.

Что было ещё важного в политической сфере? Здесь невозможно пройти мимо выступления в апреле 1920 г. японских войск, которые, ликвидировав советы, устранили фактическое двоевластие, когда советы существовали наряду с земскими учреждениями. Но тем самым Япония фактически спровоцировала создание партизанского движения и боевые действия со всеми вытекающими последствиями. Хотя вооружённые столкновения были и раньше: не следует забывать, что это были годы гражданской войны, возможно, не столь ожесточённой, как в Европейской России или в Сибири, но всё-таки гражданской войны. История её достаточно детально изучена, и поэтому здесь следует остановиться и перейти к рассмотрению процессов козволюции пространственной организации экономики и институтов регионального развития.

Эволюция институтов регионального развития

Характерная черта эволюции институтов регионального развития заключалась в том, что в период после русско-японской войны Дальний Восток в целом, а не только его южная часть, стал восприниматься как целостный экономический объект. Хотя по-прежнему основное внимание и центральной, и местной властью уделялось нынешнему Приморью и Амурской области.

¹ И в этом отношении Дальний Восток мало чем отличался от Сибири, в которой «большевизм держался ... только на поверхности. Огромное море сибирского крестьянства нисколько не было им задето» [5, с. 20].

² О специфике организации местного самоуправления на Дальнем Востоке в 1920-е гг. см. [6].

³ Цит. по [21, с. 23].

Первой институциональной новацией, приведшей к неожиданным результатам, было предоставление права переселяться на Дальний Восток без предварительного ознакомления с местом вселения, то есть отказ от ходатайства.

Результат был ошеломляющий – 98 425 переселенцев и ходоков в 1907 г. [3, с. 113]. Почему ошеломляющий? Хотя бы в силу того, что в предвоенные 1900–1903 гг. в среднем за год число переселенцев не превышало 14 тыс. человек [2, с. 27]. При этом впервые переселенцы, то есть крестьяне, шли не только за землёй, а искали заработков.

К такому развитию событий ни центральная власть, ни местная не были готовы. Но можно предположить, что переселение, принявшее массовый характер, в немалой мере способствовало не столько постановке диагноза (он был поставлен по окончании войны и сводился в немногих словах к следующему: российское присутствие на Тихом океане будет иметь под собой надёжную базу, если развивать экономику Дальнего Востока; что стало де-факто главной стратегической целью государства на «восточном направлении»), сколько к осознанию того, что необходима внятная системная экономическая стратегия развития региона, а не просто набор реактивных административных действий, направленных на снятие тех или иных проблем.

Неожиданный поток переселенцев продемонстрировал, что необходимы, с одной стороны, меры «быстрого реагирования», а с другой – формирование государственной политики в отношении Дальнего Востока и скоординированные действия экономических агентов и институтов в рамках этой политики. То есть речь шла фактически о разработке региональной экономической стратегии. В то время, правда, не использовали таких слов, как стратегия, государственное планирование и пр., и никому в голову не пришло создавать особый закон.

Но тогда возникает законный вопрос, а что же было такое, что даёт основание говорить смене стратегической паузы разработкой и реализацией стратегии экономического и социального развития Дальнего Востока. О главной стратегической цели или, иначе, миссии макрорегиона уже было сказано. Но помимо неё в 1906–1913 гг. принимается ряд стратегических решений, направленных, с одной стороны, на развитие экономики Дальнего Востока, а с другой – на вовлечение макрорегиона в общероссийское экономическое пространство; наконец, прилагаются усилия по вовлечению экономики макрорегиона в систему внешнеэкономических связей. То есть происходит формирование, как минимум, трёх взаимосвязанных между собой стратегических целей, каждая из которых реализуется в рамках частных политик, а для должной координации усилий различных государственных структур постепенно происходит формирование институтов и организаций.

Показательно, что уже в 1908 г. в Думе проходит обсуждение правительственного проекта строительства Амурской железной дороги, в 1909 г. создаётся по инициативе П.А. Столыпина Комитет по заселению Дальнего Востока.

Так как о деятельности Комитета по заселению Дальнего Востока автор уже имел возможность высказать своё мнение [7; 9], то в данном случае я посчитал возможным привести в извлечениях два документа, которые позволяют понять, каким образом происходило формирование одного из институтов регионального развития.

По мнению П.А. Столыпина, «комитету предстоит озаботиться выполнением задачи исключительной важности – сплотить и двинуть правительственные силы к быстрому созданию прочного оплота русской государственности в дальневосточных областях»¹.

В этом же письме, имеющем циркулярный характер, П.А. Столыпин предлагает рассмотреть в качестве первоочередных следующие вопросы:

¹ Письмо П.А. Столыпина от 26 ноября 1909 г. ГИА. Фонд 394. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 21.

«1. Об увеличении площади колонизируемого запаса земель Дальнего Востока и о скорейшем использовании для этой надобности ... земель, временно отведённых бывшим Приамурским генерал-губернатором Духовским Амурским и Уссурийским казачьим войскам...

2. О мерах борьбы против наплыва в Приамурье рабочих жёлтой расы и о привлечении на постройки, производящиеся за казённый счёт ... рабочих из Европейской России.

3. Об ускорении постройки Амурской железной дороги.

4. О развитии на Дальнем Востоке дорожного строительства для нужд колонизации...

5. Об особых мерах поощрения переселения на Дальний Восток и льготах лицам, водворяющимся в Приамурский край.

6. Об организации учреждённой для изучения района Амурской железной дороги экспедиции ... и о нужных для её содержания ассигнованиях»¹.

Будущие члены Комитета не только ознакомились с предлагаемым перечнем вопросов, но и внесли свои предложения². И уже на заседании Комитета 30 января 1910 г. круг подлежащих рассмотрению вопросов, число которых возросло до 21, был утверждён³.

Также на двух заседаниях Комитета (20 января и 2 марта) после обсуждений было принято решение об организации экспедиции по обследованию условий колонизации района Амурской железной дороги.

Амурской экспедиции было поручено:

«а) изучение местности, прилегающей к линии постройки Амурской железной дороги, в видах определения пригодности её для заселения и выяснение находящихся в ней естественных богатств;

б) разработка предложений об устройстве новых и улучшению существующих в означенной местности путей сообщения;

в) выяснение тех станций Амурской железной дороги и тех пунктов вне оной, у которых, в силу их естественного положения ... или экономического значения, следует ожидать развития поселений городских.

г) составление предложений о дальнейших мерах к наилучшей постановке колонизационного дела в районе Амурской железной дороги и развития промышленно-экономической жизни в названной местности»⁴.

В общем и целом Амурская экспедиция справилась с возложенными на неё задачами. Так как организация и результаты Амурской экспедиции были нами достаточно подробно рассмотрены в ряде предшествующих публикаций [9; 10], то ограничимся лишь следующими замечаниями. Во-первых, исследования явно не ограничивались районом строительства Амурской железной дороги, а охватили практически весь Дальний Восток; во-вторых, в ходе комплексных исследований территории, как в естественноисторическом, так и в экономико-социальном отношении, были выявлены не только параметры разнообразия отдельных местностей, но и, как бы сказали сейчас, «конкурентные преимущества» этих мест. Наконец, совместная работа местных специалистов (а зачастую и любителей) с первоклассными учёными из столиц не только дала толчок в развитии, говоря современным языком, «региональных

¹ Письмо П.А. Столыпина от 26 ноября 1909 г. ГИА. Фонд 394. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 21 об., л. 22.

² Несколько особняком стоит мнение главы МПС Рухлова, который посчитал нецелесообразным ставить вопрос об ускорении постройки Амурской железной дороги, так как строительство должно было идти по утверждённому графику.

³ ГИА. Фонд 394. Оп. 1. Ед. хр. 53. Журналы заседания Комитета по заселению Дальнего Востока с № 1 по 30. Журнал № 1 заседания 30 января 1910 г.

⁴ Там же.

исследований», но и существенно способствовала росту того, что мы сейчас называем «человеческим капиталом»¹.

Реакция экономики Дальнего востока на институциональные изменения

Но как бы ни был интересен затронутый выше сюжет, всё-таки обратимся к тому, какова была реакция экономики региона на институциональные изменения. По-нашему мнению, эта реакция достаточно отчётливо проявилась уже в годы, предшествовавшие Первой мировой войне.

Во-первых, это рост масштабов экономической деятельности, причём опережающий рост отмечается в промышленности и на транспорте, то есть происходит трансформация отраслевой структуры экономики. Будущее Дальнего Востока – это уже не сельскохозяйственная колония, а промышленный район. Поэтому не случайно, что опережающими темпами растёт городское население, и по уровню урбанизации Дальний Восток оказывается на одном из первых мест в Российской Империи.

Во-вторых, происходят качественные изменения в пространственной организации экономики. Последние наиболее явно проявились в росте связности экономического пространства макрорегиона и в его интеграции в национальное экономическое пространство. Эти процессы были запущены во многом благодаря реализации крупных инфраструктурных проектов: строительство Амурской железной дороги как конечного участка Транссиба на территории России вкупе с КВЖД создало условия для включения Дальневосточного макрорегиона в общероссийский рынок и шире – в национальное экономическое пространство.

Продукция предприятий Дальнего Востока завоевывает не только российские рынки, но и рынки зарубежных стран, причём не только сопредельных. Показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся в рыбной промышленности Дальнего Востока.

Здесь своего рода стратегическим решением было подписание российско-японской рыболовной конвенции 1907 г. Если до 1907 г. «японцы в начале рыболовного сезона снабжали русских предпринимателей деньгами и вообще всем необходимым для производства промысла, за что получали рыбу в свежем виде по очень низкой расценке, засолив её японским сухим способом и сбывали по дешёвой цене бедному населению Японии», то после получения права самостоятельного промысла в российских водах японские рыбопромышленники «приёмные цены на рыбу от русских предпринимателей, и ранее не высокие, стали ещё более понижать» [19, с. 1]. Ответом со стороны русских рыбопромышленников стал поиск новых рынков сбыта в Сибири, Европейской России и даже в Западной Европе.

Хотя первые попытки в большинстве случаев окончились неудачей, постепенно, во многом благодаря принятию в 1910 г. ряда мер по развитию отечественной рыбопромышленности в водах дальневосточных морей, новые рынки были вполне освоены. Что же касается упомянутых мер, то они были следующими: право арендовать на 12 лет все устьевые участки рек Охотско-Камчатского побережья, пользоваться пониженными тарифами на доставку парходами Доброфлота рабочих на промыслы и пониженными тарифами на перевозку рыбы и икры по железной дороге².

Одновременно с изменением тарифной политики происходит принятие ряда мер со

¹ Об организации и результатах Амурской экспедиции 1910 г. см. [9].

² Достаточно детально вопросы становления рыбопромышленности на Камчатке рассмотрены в [4], а в масштабах Дальнего Востока – в ряде публикаций А.Т. Мандрика, среди которых выделим [14].

стороны правительства, направленных на ограничение иностранного каботаж, и, соответственно, растёт число судов не только Доброфлота, но и частных компаний. Наконец, отечественным судовладельцам устанавливались субсидии, компенсирующие им разницу в эксплуатационных издержках отечественных и иностранных судов [4].

Увеличение сроков аренды, помимо всего прочего, стимулировало не только выход на новые в географическом отношении рынки¹, но и организацию производства новых продуктов, в частности, рыбных и крабовых консервов².

Появились и крупные фирмы, которые занимались не только ловом и скупкой рыбы у местного населения, но и её переработкой и реализацией. Так, фирма С.Ф. Грушецкого использовала до семи судов-рефрижераторов, которые доставляли на участки рыбаков, соль, тару, промысловое снаряжение, оставаясь на промыслах до конца сезона, принимали рыбопродукцию и возвращались во Владивосток. И тем не менее, хотя накануне Первой мировой войны российским предпринимателям удалось создать на Камчатке, которая к этому времени становится крупнейшим рыбопромысловым районом на Дальнем Востоке, несколько достаточно крупных и эффективных бизнесов, в конвенциональных водах явно доминировали японские рыбопромышленники. Так, на Камчатке в 1913 г. японские рыбопромышленники арендовали 227 промысловых участка, а русские только 37 [4, с. 43].

Иная ситуация была в Николаевском рыбопромысловом районе, в котором рыбопромысловые участки арендовались исключительно российскими промышленниками, так как они находились во внеконвенциональных водах. И в результате уже в 1912 г. Гейнеман отмечает: «промысел за последнее время приобрёл совсем новый вид: ещё два года назад главная масса рыбных продуктов с низовья Амура поставлялась на дешёвый японский рынок – в отчётном 1912 г. – ввоз в Россию из этого района превысил вывоз в Японию (достигнув 62,6%), а в настоящем 1913 г. можно надеяться, что почти вся амурская рыба ... будет заготовлена на русский рынок» [20, с. II].

Теперь коротко о характере изменений в экономике макрорегиона. Уже в 1913 г. удельный вес промышленности в валовой продукции народного хозяйства Дальневосточного макрорегиона составил 46%, в то время как в целом по России этот показатель составлял только 38% [11, с. 318].

Дальний Восток стал привлекателен не только для крестьян-переселенцев, но и для рабочих. Только в 1911 г. прибыло главным образом из Сибири и Европейской России 48,8 тыс. законтрактованных рабочих, а в 1912 г. их численность составила уже 80,8 тыс. человек [11, с. 309]. При этом следует иметь в виду, что были ещё рабочие, следовавшие на Дальний Восток без контрактов³.

И ещё один факт, характеризующий рынок труда в Приамурском крае в 1911 г.: только 65% пришлых рабочих в Амурской области и 42,5% в Приморской области возвращаются на родину [15, с. 4–5]. А это может свидетельствовать о том, что цена труда была достаточно велика.

Государственные вложения, в том числе в строительство объектов транспортной инфраструктуры, сопровождались ростом объёмов транспортной работы. Так, объём грузов, перевезённых железнодорожным транспортом, вырос с 1903 по 1913 г. в 5 раз; за 1905–

¹ Расширению географии рынков сбыта способствовало и то обстоятельство, что именно в эти годы начали использоваться суда-рефрижераторы, благодаря чему замороженная рыбопродукция с промыслов Камчатки и Николаевского рыбопромыслового района стала поступать в Санкт-Петербург, Ригу и Одессу.

² Первый рыбоконсервный завод на Камчатке был построен в 1910 г.

³ По данным обследования, проведённого в 1911 г., прибывших в Амурскую область без контракта было 27,5% [15, с. 2].

1913 гг. выросли и объёмы перевозок грузов в Амурском бассейне. Что же касается морского транспорта, то перед Первой мировой войной Владивосток вошёл в пятёрку крупнейших портов России [11, с. 310–311].

Но помимо прямых эффектов инвестиции в транспорт и транспортную инфраструктуру сопровождались косвенными эффектами, в частности, они стимулировали развитие лесопромышленности и угольной промышленности, а также целого ряда отраслей обрабатывающей промышленности.

Всё сказанное выше относительно реакции экономики имело отношение к изменениям в отраслевой структуре экономики макрорегиона. Но был ещё пространственный (или территориальный) отклик на институциональные изменения.

Этот отклик проявился в том, что строительство Амурской и Уссурийской железных дорог создало условия для интеграции до того изолированных экономических анклавов, во всяком случае в южной части макрорегиона. Более того, одновременно происходило строительство грунтовых дорог, как в старожильческих, так и во вновь открытых переселенческих районах. А это, как и развитие паромства, прежде всего по Амуру, содействовало не просто «уплотнению» населения, но и способствовало формированию системы расселения населения в Приморье и Приамурье, основные элементы которой сохранились до настоящего времени.

Наконец, на этот же период приходится и организация регулярных морских перевозок от Владивостока до Чукотки, что было бы невозможно без соответствующего развития портового хозяйства. И всё это, в свою очередь, содействовало усилению экономической интеграции Севера (прежде всего Охотско-Камчатского края) и Юга (Приморье и Приамурье) Дальнего Востока. Тем самым было обеспечено новое качество связности экономического пространства Дальневосточного макрорегиона.

Годы Первой мировой войны мало что изменили в характере освоения Дальнего Востока, оно в общем и целом продолжало те тенденции, которые были заложены в межвоенный период. Возможно, в эти годы мы не наблюдаем качественных изменений в отраслевой структуре экономики региона: по-прежнему доминирует (в стоимостном отношении) горнодобывающая промышленность (в первую очередь золотодобыча), но растут объёмы производства в мукомольной, рыбной и лесной промышленности, происходит становление морского и речного судостроения и судоремонта.

На 1915–1917 гг. приходится и скачкообразный рост переработки грузов во Владивостокском порту, что было обусловлено поставками военного снаряжения и транспортного оборудования.

Сельское хозяйство всё более интенсифицируется, особенно в районах компактного проживания старожильского населения. И хотя мобилизация не могла не сказаться на масштабах сельскохозяйственного производства, имеющаяся в нашем распоряжении статистика вовсе не свидетельствует о сокращении посевных площадей и сборах хлебов.

Происходят изменения и в самом характере институтов регионального развития: кооперация становится обычным атрибутом экономической жизни, причём не только в сельской местности, но и в городских поселениях; возникает множество самых различных организаций, объединяющих в своих рядах представителей самых разных социальных групп: от садоводов-любителей до золотопромышленников.

При этом обычны многочисленные встречи между представителями упомянутых выше самоорганизующихся объединений (то есть неформальных организаций) и представителями государственных властных структур. Тем самым были сформированы не только каналы об-

ратной связи в системе управления, но и система соответствующих норм и правил. То есть в рассматриваемый исторический период происходит формирование институтов регионального развития, имеющих как правовую (формальную), так и неформальную природу.

И в заключительный период рассматриваемой эпохи экономика продолжала развиваться, несмотря на все политические пертурбации и противостояния между советами и земством. Не теми темпами, что в предшествующие годы, но ничего подобного тому, что наблюдалось в отечественной экономике в годы гражданской войны за пределами ДВР (это неоднократно описывалось самыми разными авторами), не было.

Приведём только несколько фактов. Факт первый: площадь посева в Амурской области в 1916 г., то есть накануне революционных событий, – 336,3 тыс. десятин, чистый сбор хлебов – 14,8 млн пудов, в 1917 г. соответственно 502,1 тыс. десятин и 18,3 млн пудов, в 1918 г. – 552 тыс. десятин и 18,2 млн пудов [13, с. 2].

Факт второй: в 1919 г., то есть в год окончания действия рыболовной конвенции 1907 г., «в руках японских предпринимателей не было ни одного рыболовного участка и только 3 засольных, что составляло не более 2% всего амурского промысла» [1, с. 35]. Да, в 1920 г. ситуация меняется: большая часть промыслов при деятельной поддержке оккупационных властей переходит в руки японских рыбопромышленников. Но промыслы работают. Более того, многие новые владельцы вынуждены пойти на соглашения с прежними русскими владельцами промыслов, как, впрочем, и нанимать русских рабочих.

Факт третий: идёт гражданская война, но «наибольшего развития кооперативное движение достигает в 1918–1919 гг.» [12, с. 7].

При желании можно привести много подобных фактов, но следует помнить и о том, что размер статьи конечен. Где-то необходимо остановиться, что автор и делает, оставив немного места для заключения.

Заключение

Показательно, что рассмотренная система институтов и организаций, несмотря на многочисленные и радикальные смены политических режимов в годы революции и гражданской войны, претерпев вполне ожидаемые изменения, в общем и целом сохранилась. Судя по всему, это стало возможным в силу того, что за период, предшествующий революционной эпохе, во-первых, в общественном сознании сложилось вполне устойчивое представление о том, что Дальний Восток – это не только административно-территориальная единица, но и социально-территориальная общность и пространственная экономическая система. Во-вторых, в ходе полномасштабных научных исследований, имеющих комплексный характер, удалось достаточно точно определить те виды экономической деятельности и те местности, которые обладали потенциалом развития. Наконец, совместными усилиями власти и социума удалось создать привлекательный имидж Дальнего Востока у населения, у бизнесменов и инвесторов, в том числе и иностранных.

В конечном счёте, всё сказанное выше означает только одно: что ретроспективный анализ коэволюции институтов регионального развития и территориально-отраслевой структуры экономики применительно к Дальневосточному макрорегиону между русско-японской войной и советизацией макрорегиона даёт основание полагать (именно предполагать, а не утверждать), что если стратегия регионального развития опирается на долгосрочные и устойчивые конкурентные преимущества, то изменения во внешней среде, даже если они сопровождаются частой сменой политических режимов, не в состоянии сломать траектории развития, заложенные в стратегии.

Список литературы

1. Алексин М.С. Современное положение рыбной промышленности на Дальнем Востоке и ее ближайшие перспективы // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток: Госкнига, 1923. С. 3–133.
2. Архипов Н.В. Дальневосточный край. М. –Л.: Госиздат, 1929. 156 с.
3. Введенский И. Переселение на Дальний Восток за последние годы // Вопросы колонизации. 1908. № 4. С. 112–133.
4. Гаврилов С.В. Вдоль камчатских берегов (Транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX – первой трети XX вв.). Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2003. 567 с.
5. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-Пресс, 2008. 672 с.
6. Демьяненко А.Н. Местное самоуправление на Дальнем Востоке: опыт 20-х годов // Известия Русского географического общества. 1992. Т. 124. Вып. 1. С. 91–98.
7. Демьяненко А.Н. О «дальневосточном гектаре», или Как нам привлечь население на Дальний Восток: исторический опыт // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 3. С. 5–13. DOI: 10.14530/reg.2017.3
8. Демьяненко А.Н. Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 5. С. 5–19. DOI: 10.14530/reg.2017.5
9. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 г. Краткий обзор «Трудов командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции» // Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 3. Амурская экспедиция 1910 года. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. С. 13–30.
10. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Современные стратегические инициативы и уроки истории в освоении Дальнего Востока // ЭКО. 2017. № 4. С. 45–60.
11. История Дальнего Востока СССР. Т. 2. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.
12. Кооперация Дальне-Восточного края. Хабаровск, 1926. 119 с.
13. Короваев П.Н. Основные черты сельского хозяйства в Амурской области // Экономические очерки Амурской области. Благовещенск, 1920. С. 1–17.
14. Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1994. 192 с.
15. Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. Вып. 1. Введение. Приморская область. СПб.: Издание канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока, 1911.
16. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
17. Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. М., 1909. 940 с.
18. Румельт Р. Хорошая стратегия, плохая стратегия. В чем отличие и почему это важно. М.: Манн, Иванов и Фабер, 2014. 448 с.
19. Рыбные промыслы Дальнего Востока в 1911 году. Отчет Приамурского Управления Государственных Имуществ под редакцией помощника Управляющего Б.А. Гейнемана. (Материалы по изучению Приамурского края. Вып. IX). Хабаровск, 1912. 57 с. + Приложения
20. Рыбные промыслы Дальнего Востока в 1912 году. Отчет Заведующего рыбными промыслами по материалам Приамурского Управления Государственными Имуществами под ред. Б.А. Гейнемана. (Материалы по изучению Приамурского края. Вып. XIV). Хабаровск, 1913. 102 с. + Приложения
21. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та,

1990. 352 с.

22. Третье чрезвычайное Приморской области земское собрание (20–24.04.1918 г.). Журналы и протоколы заседаний и приложения к ним. Владивосток, 1918. 72 с.

23. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 1) // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 3. С. 48–60. DOI: 10.14530/reg.2016.3

24. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 2): от общего к частному // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 63–74. DOI: 10.14530/reg.2016.6

References

1. Aleksin M.S. Current Situation of the Fishing Industry in the Far East and Its Immediate Prospects. In: *Fish and Fur Riches of the Far East*. Vladivostok, 1923. Pp. 3–133. (In Russian)
2. Arkhipov N.V. *The Far Eastern Territory*. Moscow–Leningrad, 1929. 156 p. (In Russian)
3. Vvedenskiy I. Resettlement to the Far East in Recent Years. *Voprosy kolonizatsii* [Colonization Issues]. 1908. No. 4. Pp. 112–133. (In Russian)
4. Gavrilov S.V. *Along the Kamchatka Coast (Transport and Fishery Development of the Okhotsk–Kamchatka Coast in the Late XIX – First Third of the XX Centuries)*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2003. 567 p. (In Russian)
5. Gins G.K. *Siberia, the Allies and Kolchak. A Turning Point in Russian History. 1918–1920*. Moscow, 2008. 672 p. (In Russian)
6. Demyanenko A.N. Local Self-Government in the Far East: The Experience of the 1920s. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Geographical Society]. 1992. Vol. 124. No. 1. Pp. 91–98. (In Russian)
7. Demyanenko A.N. About «Far Eastern Hectare», or How to Attract Population to the Far East: Historical Experience. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 3. Pp. 5–13. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2017.3
8. Demyanenko A.N. Russian Far East: The Formation of Economic Macroregion. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 5. Pp. 5–19. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2017.5
9. Demyanenko A.N., Dyatlova L.A. General Plan of the Amur Expedition in 1910. An Overview of the «Memoirs of the Amur Expedition Commissioned by Imperial Order». In: *The Anthology of Economic Thought in the Far East. Issue 3. The Amur Expedition of 1910*. Khabarovsk, 2010. Pp. 13–30. (In Russian)
10. Demyanenko A.N., Dyatlova L.A. Far East: Modern Strategically Innovations and Lessons of History. *EKO* [ECO]. 2017. No. 4. Pp. 45–60. (In Russian)
11. *History of the Far East of the USSR. Vol. 2. History of the Far East of the USSR in the Era of Feudalism and Capitalism (XVII Century – February, 1917)*. Moscow, 1990. 471 p. (In Russian)
12. *Cooperation of the Far East Territory*. Khabarovsk, 1926. 119 p. (In Russian)
13. Korovaev P.N. The Main Features of Agriculture in the Amur Region. In: *Economic Essays of the Amur Region*. Blagoveshchensk, 1920. Pp. 1–17. (In Russian)
14. Mandrik A.T. *The History of the Fishing Industry of the Russian Far East*. Vladivostok, 1994. 192 p. (In Russian)
15. *Materials on the Study of the Working Question in Priamurye. Vol. 1. Introduction. Primorsky Region*. S.-Petersburg, 1911. (In Russian)
16. Porter M.E. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. Moscow, 2005. 454 p. (In Russian)
17. *Priamurye. Facts. Numbers. Observations*. Moscow, 1909. 940 c. (In Russian)

18. Rumelt R. *Good Strategy/Bad Strategy: The Difference and Why It Matters*. Moscow, 2014. 448 p. (In Russian)
19. *Fisheries of the Far East in 1911. Report of the Priamursky Administration of State Property under the Editorship of B.A. Geyneman, the Assistant to the Manager. (Materials on the Study of the Priamurye Region. Vol. IX)*. Khabarovsk, 1912. 57 p. + Annexes (In Russian)
20. *Fisheries of the Far East in 1912. Report of the Head of Fisheries on the Materials of Priamursky Administration of State Property under the Editorship of B.A. Geyneman. (Materials on the Study of the Priamurye Region. Vol. XIV)*. Khabarovsk, 1913. 102 p. + Annexes (In Russian)
21. Sonin V.V. *Formation of the Far Eastern Republic*. Vladivostok, 1990. 352 p. (In Russian)
22. *The Third Extraordinary Zemsky Assembly of Primorsky Region (20–24.04.1918). Proceedings and Protocols of Meetings and Annexes to Them*. Vladivostok, 1918. 72 p. (In Russian)
23. Shvetsov A.N., Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. Destructive Stereotypes of Russian Strategic Planning and Their Possible Consequences for Practice of Regional Strategy Development (Part 1). *Regionalistica* [Regionalistics]. 2016. Vol. 3. No. 3. Pp. 48–60. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2016.3
24. Shvetsov A.N., Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. Destructive Stereotypes of Russian Strategic Planning and Their Possible Consequences for Practice of Regional Strategy Development (Part 2): From the General to the Particular. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2016. Vol. 3. No. 6. Pp. 69–80. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2016.6

■ ■ ■

Для цитирования:

Демьяненко А.Н. Дальний Восток: между Империей и СССР // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 5–18. DOI: [10.14530/reg.2018.1.5](https://doi.org/10.14530/reg.2018.1.5)

For citing:

Demyanenko A.N. Russian Far East: Between the Empire and the USSR. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 1. Pp. 5–18. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2018.1.5](https://doi.org/10.14530/reg.2018.1.5)

■ ■ ■